

К вопросу о семантике образа кариатид в древнегреческом искусстве

Научный руководитель – **Налимова Надежда Анатольевна**

Вернер Анжелика Олеговна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: inna.verner@mail.ru

Изначальная семантика и символика древнегреческих кариатид, известных с середины VI в. до н. э., была переосмыслена уже в римские времена. Под влиянием этиологического мифа Витрувия, возводящего образ кариатид к плененным женщинам разгромленного за пособничество персам города Карики, начиная с эпохи Ренессанса именно римская трактовка стала самой распространенной.

В настоящее время многие греческие памятники с кариатидами остаются нешироко освещенными, а исследователи в большей степени концентрируются на изучении проблемы происхождения кариатид, и чаще всего материалом служат хорошо известные памятники архаики и классики.

Однако относительно недавние археологические раскопки, раскрывшие гробницу эллинистического периода в Амфиполисе (IV в. до н. э.), и внимание к ним стали стимулом более подробно изучить и попытаться реконструировать семантику кариатид, опираясь в том числе и на новый хорошо сохранившийся памятник.

Иконография образа свидетельствует о том, что кариатиды не принадлежат обыденному человеческому миру: им свойственен масштаб больше человеческого роста, архаизирующая манера исполнения, атрибуты в виде чаш для жертвенных возлияний - фиалов и головные уборы в форме калафов. Анализ античных письменных источников свидетельствует в пользу того, что кариатиды изображали девушек-служительниц некоего культа. В "Описании Эллады" Павсаний говорит, что кариатиды - служительницы Артемиды Кариатидской. Однако архитектурный контекст, рельефы и мозаики, сопровождающие фигуры, помогают конкретизировать культ в другом ключе.

Прежде всего, образ кариатид оказывается окружен хтоническими коннотациями. Контекст, в котором они появляются, во многих случаях носит погребальный характер. Южный портик Эрехтейона стоит прямо над гробницей хтонического Кекропа [3]. В качестве других примеров можно назвать тумулус Каста в Македонии (гробницу в Амфиполисе), гробницу в Свештарах во Фракии (III в. до н. э.), гипогей кариатид в Васте в Апулии (III в. до н. э.). Иконография кариатид гробницы в Свештарах во многом повторяет иконографию хтонической Потнии Терон [4, 8]. В Амфиполисе фигуры кариатид непосредственно предваряют мозаику, изображающую Аида и Персефону [2], словно оказываясь на границе земного и подземного. Тема этой границы проявляется и в архитектурной роли кариатид, поддерживающих антаблемент, который мог восприниматься как линия земли.

С другой стороны, прослеживается определенная связь кариатид с культом Диониса. Дельфы, откуда происходят первые известные памятники, были связаны с культом Диониса и являлись местом проведения оргий в его честь. В частности, на калафах кариатид из сокровищницы сифносцев изображены дионисийские сцены терзания. Исследователи склонны напрямую идентифицировать кариатид с образами фиад - служительниц Диониса [7, 1]. Кариатид гипогея в Васте тоже идентифицируют с менадами в дионисийском ключе [5]. Погребально-хтонический контекст не противоречит, а вполне соответствует подобным связям. Наконец, фигуры кариатид оказываются задействованы и на другом

полусе дионисийской сферы - связанном с театральными действиями. Менады в роли кариатид появляются в декорации античных театров (в Монте Иато, к. IV в. до н. э.) [6].

Анализ целого ряда памятников, которые будут подробно рассмотрены в докладе, подтверждает представленный вариант трактовки кариатид как служительниц культа, связанного с хтоническим началом, присущим преимущественно двум богам: Персефоне и Дионису, в орфической теогонии состоящим в прямых родственных отношениях и объединенным тем, что они спускались в царство Аида и смогли вернуться оттуда.

Источники и литература

- 1) 1. Corso A. The art of Praxiteles. The development of Praxiteles' workshop and its cultural tradition until the sculptor's acme (364-1 BC). Rome: L'Erma di Bretschneider, 2004. P. 160-165.
- 2) 2. Corso A. The sculptures of the tumulus Kasta near Amphipolis // Journal of intercultural and interdisciplinary archaeology, 2015. Vol. 2. P. 193-222. URL: <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/jiia/article/view/29461/23130> (15.12.2019)
- 3) 3. Elderkin G. W. The Cults of the Erechtheion // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, 1941. Vol. 10, № 2. P. 113-124.
- 4) 4. Grudeva D. The caryatids from the tomb in Ginina Mogila near Sveshtari in Mediterranean context / Филови четения културно- историческото наследство: проучване и опазване, под ред. М. Гюрова // Българско е-Списание за Археология. София: BAS, Sofia University "St. Kliment Ohridski", 2015. Supplementum 4. URL: https://be-ja.org/index.php/Be-JA_Supplements/article/view/21/14 (15.12.2019)
- 5) 5. Mannino K. Hypogeum of the caryatids // Vaste Archaeological Museum. Poggiardo, 2015. P. 8-9.
- 6) 6. Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture, vol. I: The Styles of ca. 331-200 B.C. Madison: University of Wisconsin Press, 1990. P. 176-180.
- 7) 7. Ridgway B. S. Prayers in stone: Greek architectural sculpture 600-100 B.C. Berkeley: University of California Press, 1999.
- 8) 8. Valeva J. The Sveshtari Figures (an Attempt to Specify Several Hypotheses) / Thracia 11, Studia in honorem Alexandri Fol. Sofia: Institutum Thracologici, 1995. P. 337-352.